

ФЛОРЕНТИЙЦЫ

THE FLORENTINES

FROM DANTE TO GALILEO:
THE TRANSFORMATION OF
WESTERN CIVILIZATION

PAUL STRATHERN

ATLANTIC BOOKS
LONDON

ФЛОРЕНТИЙЦЫ

ОТ ДАНТЕ ДО ГАЛИЛЕЯ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ
ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПОЛ СТРАТЕРН

КАРЬЕРА ПРЕСС
МОСКВА

УДК 94
ББК 63.3(0)
С84

Перевод с английского Марии Галиной
The Florentines. From Dante to Galileo:
The transformation of western civilization
Paul Strathern

Первая публикация в Великобритании: 2021, Atlantic Books
(импринт Atlantic Books Ltd.), Лондон

Стратерн П.

С84 Флорентийцы. От Данте до Галилея: трансформация западной цивилизации / Пол Стратерн [перевод с англ. М. Галина]. М.: Карьера Пресс. 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-00074-335-5

История города и людей, стоявших у истоков Ренессанса. Между рождением Данте в 1265-м и смертью Галилея в 1642-м произошло нечто, из-за чего всей культуре западного мира, его живописи, скульптуре и архитектуре предстояло радикально и бесповоротно измениться. Новые формы в результате обрело не только искусство — преобразилось само мышление, самосознание жителей Западной Европы. Было положено начало полному преображению науки.

Идеи, которые сломали прежние шаблоны, зародились и процветали во Флоренции. Они распространились по всей Европе, однако везде, где они укоренились, они сохраняли приметы своего флорентийского происхождения.

Поль Стратерн — писатель, лауреат премии Сомерсета Моэма, и среди его научно-популярных работ «Венецианцы», «Смерть во Флоренции», «Медичи», «Сон Менделеева», «Империя» и «Борджиа».

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00074-335-5

Copyright © Paul Strathern, 2021

© Карьера Пресс, перевод и издание на русском языке, 2023

All rights reserved

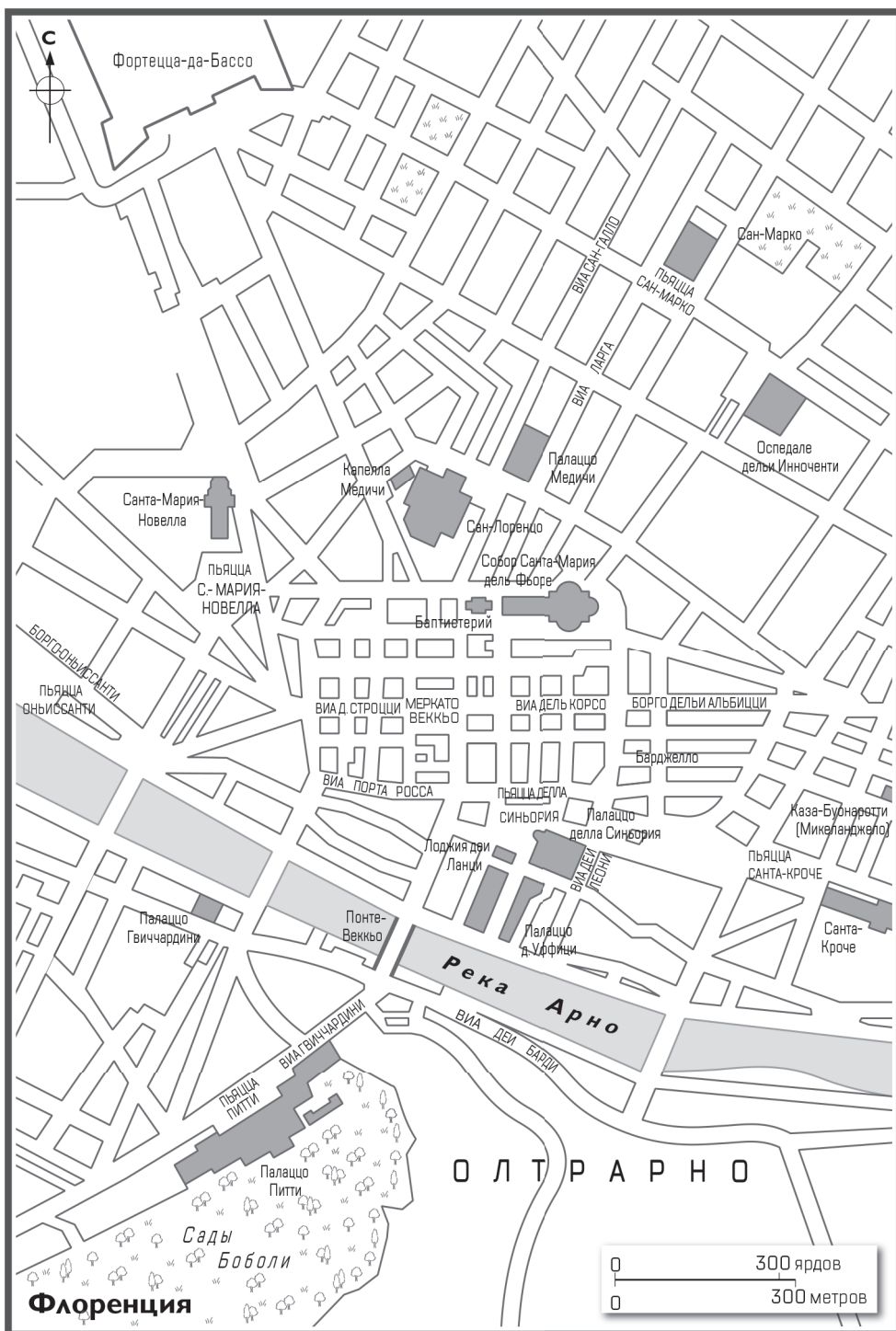
Арабелле

СОДЕРЖАНИЕ

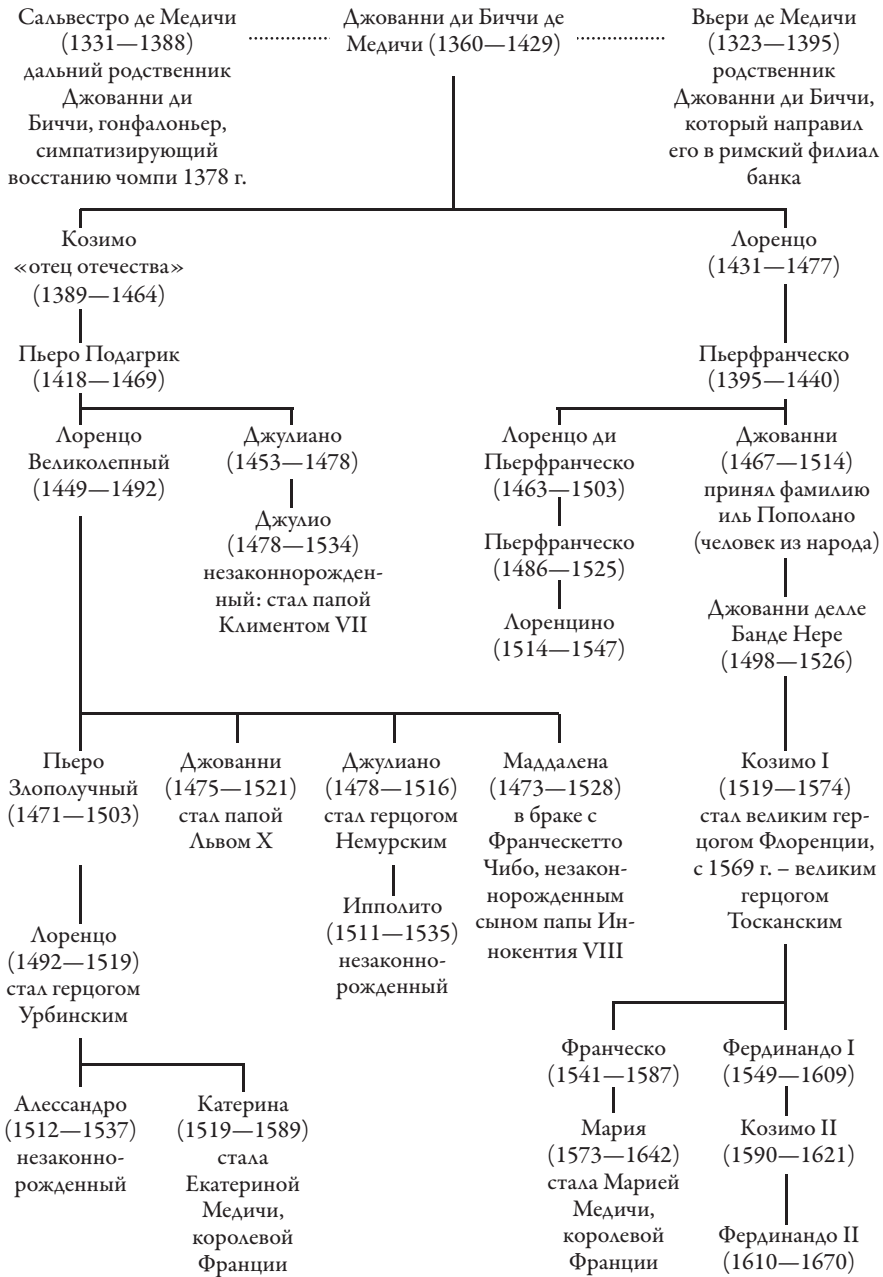
<i>Карты</i>	9
<i>Медичи: семейное древо</i>	11
Пролог	13
1 Данте и Флоренция	15
2 Богатство, свобода, талант	39
3 Затишье перед бурей	55
4 Боккаччо и Петрарка	75
5 Война и мир	92
6 Купол	114
7 Художники-математики	130
8 Те, кто платил по счетам	149
9 Ренессанс расправляет крылья	166
10 Возвышение Медичи	186
11 Художник Медичи	208
12 Великолепный	223
13 Леонардо	243
14 На нетвердой почве	260
15 Подводные течения	273
16 Костер тщеславия	289
17 Макиавелли	303
18 Микеланджело	320
19 Галилей	340
Эпилог	355
<i>Источники и дальнейшее чтение</i>	358
<i>Благодарности</i>	365
<i>Иллюстрации</i>	366
<i>Индекс</i>	368
<i>Об авторе</i>	383

Италия в 1500

МЕДИЧИ: ФАМИЛЬНОЕ ДРЕВО

ПРОЛОГ

Между рождением Данте в 1265-м и смертью Галилея в 1642-м произошло нечто, из-за чего всей культуре западного мира, его живописи, скульптуре и архитектуре предстояло радикально и бесповоротно измениться. Новые формы обрело не только искусство — преобразилось мышление, самосознание жителей Западной Европы. Было положено начало новым наукам и полному преобразению существующих. Частью эти культурные трансформации обязаны переоткрытию дохристианской литературы Древней Греции и Рима; новообретение этого раннего, в основном языческого мировоззрения впоследствии разрушило идеологические основы того общества, которое его и переоткрыло.

Падение Римской империи за тысячу лет до описываемых событий ввергло Европу в период исторической и культурной разрухи, часто именуемый Темными веками, когда светоч культуры был достоянием разобщенных монашеских общин. Постепенно, с укреплением христианства, Темные века сменились Средневековьем, а союз веры и разума стал драгоценным орудием для возведения нового здания цивилизации, уже под эгидой церкви. Однако постепенно церковь проникла во все области жизни, подавила интеллектуальные дискуссии, отчего культура вконец прекратила развиваться.

Идеи, положившие конец застою, в основном зародились и рас-

пространились во Флоренции, в городе Тосканы, северного региона Центральной Италии. Новаторские идеи, в центре которых было то, что свойственно нашей человеческой природе, — а не потусторонний дух, — в результате произведут на свет то, что теперь называют гуманизмом. Уже согласно самому термину, это философское направление учит, что судьба человека зависит от него самого, а не от Божественного провидения и церковных ритуалов. В основу гуманизма легло положение греческого философа Протагора, жившего в V веке до нашей эры: «Человек есть мера всех вещей». Гуманизм привел к резкому росту самопознания в широком смысле этого слова. Мы стали лучше понимать самих себя, а в силу этого — не столько полагаться на силу молитвы, сколько искать рациональные пути решения наших проблем.

Этот философский подход постепенно распространился по всей Италии, и везде, где он укоренился, он сохранял приметы своего происхождения. И даже когда он охватит всю Европу, эти приметы не исчезнут, хотя его побег будет пестры и причудливы. В торговых городах Северной Европы гуманизм будет процветать, впитав местные особенности. В менее космополитичных королевствах от него останется лишь застывшая оболочка и формальные ритуалы, тогда как самые консервативные сообщества не дозволит даже взойти этим роскошным росткам. Но, невзирая на такое явное сопротивление, идеи нового гуманизма будут проникать даже в косное мировоззрение. Именно с этих процессов и берет свое начало то, что мы называем Новым временем. То, как мы думаем, то, как воспринимаем себя, само наше сегодняшнее понятие прогресса... этим и многим другим мы обязаны эпохе зарождения и становления гуманизма.

История культуры западного мира несет на себе отпечаток своего происхождения — не важно, как далеко она ушла в своем преобразении от истоков. Реформация, давшая множество разнообразных побегов, все же отсылает нас к Центральной и Северной Германии. Британская промышленная революция переросла свою колыбель, но сохранила кое-какие свои первоначальные черты. Цифровая революция, последняя в новейшей истории, выйдя из Кремниевой долины, несомненно окрашена своим калифорнийским происхождением. Я же намереваюсь показать, как Флоренция и флорентийцы сыграли сходную роль в начале и становлении Возрождения.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДАНТЕ И ФЛОРЕНЦИЯ

В 1308 году флорентийский поэт-изгнанник Данте Алигьери написал про то, как, пройдя до половины земную жизнь, он очутился в сумрачном лесу, из которого не было выхода. Он понятия не имел, как туда попал. Его разум был затуманен, как бывает после тяжелого сна. Наконец, в тревоге и тоске, он добрал до подножия холма у края долины. Подняв взор, он увидел освещенную заходящим солнцем вершину. Он стал карабкаться по голому склону и наконец остановился, чтобы дать отдых уставшим ногам. Когда он двинулся дальше, оказалось, что путь ему преградил леопард, но не напал, а стал резвиться у ног, как бы хвастаясь своей пятнистой шкурой. Солнце к этому времени вновь показалось в небесах, и вид великолепного животного в утренних лучах наполнил сердце Данте надеждой. Но тот вдруг исчез, зато появился грозный рыкающий лев. Когда и лев остался позади, путь преградила голодная тощая волчица и погнала его обратно, вниз, в вечный мрак и безмолвие дремучего леса. И вдруг пред ним, устало бредущим назад, предстала призрачная фигура.

— На помощь! — воскликнул Данте. — Кто бы ты ни был, человек или дух!

Призрак ответил:

— Нет, я не человек, хотя когда-то и был им. Я жил в Риме во времена Августа Цезаря, во времена лживых и ложных богов. Я тот поэт, что воспевал Трюю...

— О, не Вергилий ли ты тогда? Тот самый, чья поэзия всегда служила источником моего вдохновения?

— Да, это я.

— О, спаси же меня от этой свирепой волчицы!

— Она не дает никому пройти и будет пожирать каждого, кто попытается обойти ее, куда не явится Гончий Пес и не станет преследовать ее повсюду, чтобы загнать обратно в ад, где ее когда-то спустила с цепи Зависть.

Затем Вергилий продолжил:

— Полагаю, тебе ради твоего же блага лучше следовать за мной. Позволь мне стать твоим проводником. Я покажу тебе область вечности, где не умолкают чудовищные вопли страждущих, молящих об избавлении, тех, кто жаждет умереть вторично, но обречен мучиться вечно. Затем мы переместимся в иную область и узрим тех, кто счастлив терпеть огонь, ибо знает, близится день, когда они будут прощены и вознесены, чтобы занять место среди благословенных. А затем, ежели пожелаешь, ты и сам можешь узреть сие благословенное царство и его Владыку, к которому я не могу тебя подвести, ибо я в свое время восстал против Его законов. Лишь иной, чем я, дух, несравнимо более достойный, сможет провести тебя оттуда по райским пределам.

Данте ответил:

— Поэт, во имя Господа, которого ты не познал при жизни, проведи меня по местам, о которых ты говоришь, вплоть до врат святого Петра, который бессменно стоит у входа в рай.

И тогда Вергилий двинулся в путь, и Данте последовал за ним.

Так начинается Дантова «Божественная комедия», теперь почитаемая как непревзойденный образец западной литературы. Незаурядное воображение, с которым Данте сумел описать сумрачные области и души умерших, которые ему там довелось встретить, сохранило для нас портреты многих исторических личностей той эпохи. Поэма все еще несет на себе многие родовые признаки Средневековья, но то, как Данте сумел передать психологию персона-

жей, и яркость описанных им картин посмертия уже предвещают новую эпоху, эпоху Возрождения. Каждая душа, встреченная им на его пути, после смерти вознаграждается или наказывается согласно ее деяниям в земной жизни. Здесь Данте полностью принадлежит Средневековью, утверждающему, что эта жизнь — лишь приготовление к другой, будущей, в которой человек будет проклят либо спасен, в зависимости от его земных поступков. И все же «Божественная комедия» наследует не только теологии католической ортодоксии, но и заново прочтенному учению Аристотеля, это поэма новой эры.

Вопреки традиции Данте писал на тосканском диалекте своей родной Флоренции. В то время образованные люди общались между собой на латыни, на латыни же писались все научные труды и богословские трактаты. Но поскольку Данте сочинял на народном диалекте, его поэма стала доступна всем, даже людям неграмотным, если они слышали, как ее читают вслух. И действительно, именно поэма Данте помогла тосканскому диалекту стать основой современного итальянского языка, многие считают Данте его отцом.

Но у величественной «Божественной комедии» без сомнения имеется своя мрачная и зловеющая сторона. В 1300-м, за несколько лет до того, как Данте приступил к созданию своего шедевра, он был избран в синьорию, совет девяти, который управлял Флоренцией. Это был очень высокий пост, но через два года после своего двухмесячного срока в качестве представителя высшей власти поэт столкнулся с разнузданной «демократией», царившей в глубоко разделенном городе. Его приговорили к вечному изгнанию, огласив, на случай его возвращения, смертный приговор: «сожжение в огне». Неудивительно, что несколько представителей враждебной политической фракции, причастной к изгнанию Данте, стали персонажами Инферно («Ада») — первых трех больших частей «Божественной комедии». Один из них — Филипо Ардженти, высокий седовласый аристократ, печально известный своей гневливостью. По свидетельству современников, он однажды прилюдно ударил Данте по лицу, чудовищное по тем временам оскорбление, на которое тот тогда, вероятно, не ответил. Брат Ардженти, по слухам, присвоил имущество Данте после изгнания поэта, а все семейство Филипо яростно противилось тем, кто добивался помилования Данте и его возвращения из ссылки.

Ардженти появляется в самом начале «Ада», когда Данте и Вергилий переправляются через Стикс, в пятом круге Ада, отведенном для тех, кто казним за грех гневливости. Хотя Ардженти и покрыт грязью с головы до ног, Данте узнает его. Вергилий поясняет, что в мире смертных Ардженти был преисполнен гордыни, и, поскольку он при жизни был чужд милосердия, он вечно пребудет здесь в грязи, как свинья в навозе. Облик Ардженти напомнил Данте все нанесенные тем обиды и унижения, и поэт, преисполнившись негодования, воскликнул, обратившись к Вергилию: «...если бы я мог / Увидеть вьявь, как он в болото канет, / Пока еще на озере челнок!»⁷ Вергилий ответил, что это случится прежде, чем они переправятся на противоположный берег. Позже Данте видит, как Ардженти разбивают на куски его обреченные на муки сотоварищи. Но даже и тогда Ардженти не в силах справиться со своим гневом, обращает его на себя самого, вгрызаясь в собственное тело.

Данте Алигьери, вероятнее всего, родился в мае 1265-го. Это можно вывести из знаменитой первой строчки «Божественной комедии» ‘*Nel mezzo del cammin di nostra vita...*’: «Земную жизнь пройдя до половины...» Согласно Библии, лет наших нам отпущено троекратно по двадцать и еще десять, то есть если Данте упоминает это в своей великой поэме, то ему в это время должно быть тридцать пять. Мы знаем, что, хотя он начал ее писать в 1308-м, он относит ее действие к 1300-му, когда в качестве государственного деятеля и члена синьории он достиг вершины своей политической карьеры. Возможно, эта дата должна была ему служить постоянным напоминанием о том, как низко он затем пал.

Есть и еще одно указание на дату рождения Данте — он в тексте упоминает, что родился под знаком Близнецов, то есть в период от 11 мая до 11 июня по юлианскому календарю. Близнецы — созвездие, названное в честь братьев Кастора и Поллукса, героев античной мифологии. Тех, кто родился под этим знаком, отличают, как говорят, ум и жажда знаний. Однако они известны и умением приспособливаться к ситуации, а следовательно, непостоянством и коварством. И, хотя астрология в наше время считается суеверием

⁷ Здесь и далее — перевод М. Лозинского.

и лженаукой, во времена Данте ее полагали неотъемлемой частью астрономии. Знак зодиака, под которым человек родился, как полагали тогда, во многом определял его характер и судьбу. Примерно за тысячу лет до того христианский философ Блаженный Августин полагал, что астрология подразумевает предопределенность, которая глубоко противоречит христианскому положению, гласящему, что каждый из нас обладает свободой воли. Тем не менее выдающийся средневековый богослов Фома Аквинский, современник Данте, стремился примирить астрологию с христианской доктриной, опираясь на авторитет античного философа Аристотеля. Согласно Аристотелю, звезды управляют поступками и судьбой нашего «подунного» тела, тогда как наши души мы вручаем Богу. Этот аргумент, на первый взгляд убедительный, но основанный на подмене понятий, долго пользовался популярностью. (Двести с лишним лет спустя печально известный, но чрезвычайно одаренный итальянский эрудит Джироламо Кардано довел это утверждение до логического завершения, составив гороскоп на Иисуса Христа, и был брошен инквизицией в тюрьму за свою дерзость.) Тем не менее Данте, несмотря на весь свой глубокий и пронизательный ум, когда дело касалось астрологии, шел в ногу со своим веком, придерживаясь тех же суеверий, что и его современники.

Однако не следует так уж решительно осуждать астрологические практики — в каком-то смысле они способствовали развитию многих областей знаний. Основанная на ложных посылах и как следствие приводящая к ошибочным умозаключениям, астрология тем не менее служила подспорьем для античной философской максимы «познай самого себя». И, как мы видели в случае с Близнецами, астрологический инструментарий был довольно тонким, а получившийся в результате портрет — сложным и противоречивым. И эти усилия не пропали даром — попытки флорентийских астрологов, пусть и ошибочные, выделить типы человеческой личности легли в основу современной психологической практики^{*}.

* Сходное явление можно наблюдать в средневековой алхимической практике. С одной стороны, она безуспешно пыталась превратить неблагородные металлы в золото. С другой — она бесспорно положила начало современной химии, разработав и внедрив в научную практику множество необходимых лабораторных техник и инструментов. Неслучайно ирландский современник

Отец Данте был мелким ростовщиком, который время от времени спекулировал земельными участками, мать происходила из знатного и древнего рода Абати, но умерла, когда Данте был еще ребенком. Этим фактом можно объяснить некоторую замкнутость и сухость его характера. Позже, когда поэту исполнится восемнадцать, умрет и отец Данте, так что Данте придется самому прокладывать себе путь в жизни.

К тому времени Флоренция уже превратилась в один из самых процветающих городов-государств на итальянском полуострове, в основном благодаря участию в европейской торговле шерстью и в банковском деле, отраслях, тесно связанных между собой. В то время почти каждый крупный город Европы имел свой собственный монетный двор, что приводило ко всяческим махинациям и неразберихе в международной торговле, от игры на разнице курсов до подделок или «обрезки» монет. Власти в трудные времена имели право чеканить монету с меньшим содержанием благородных металлов, а местные жулики подрезали края монет, чтобы набрать металл для изготовления фальшивок. Именно чтобы воспрепятствовать этому, ребра монет стали делать с мелкими насечками или гравированными по кругу надписями.

Когда в 1252 году Флоренция начала чеканить свой собственный *fiorino d'oro*, власти гарантировали, что каждая монета будет содержать пятьдесят четыре грана чистого золота, и предписывали торговцам носить монеты в кожаных мешочках, чтобы избежать износа и повреждений обрезанного края и, в свою очередь, подделки. Монета, которая стала известна как флорин, славилась своей надежностью и ходила по всей Европе и за ее пределами — от Балтийского моря до Леванта. А значит, процветали и местные банкиры и городская торговля шерстью. Последняя заключалась в импорте шерсти

Галилея Роберт Бойль, «отец современной химии», также не отказывался от алхимических опытов. Даже Исаак Ньютон оставался ее тайным поклонником. Если существует хоть какая-то историческая преемственность, то такие разоблачения псевдонаук, маскирующихся под науки подлинные, безусловно, будут повторяться, и не раз. Среди претендентов на эту роль не только марксизм и даже теория струн, но и безнадежное упование на то, что все наши прогнозы, касающиеся грядущей климатической катастрофы, основаны на неверных допущениях.

из Англии и Фландрии (Голландия и северная часть нынешней Бельгии) по торговым путям долины Роны и через Альпы. Позже к этому добавилась морская торговля: на веслах и парусах суда шли из фламандского порта Брюгге в обход Испании в тосканские порты Пизы или Ливорно, а оттуда вглубь страны во Флоренцию. Здесь мастеровитые чесальщики шерсти и красильщики превращали сырье в прекрасные, изысканно окрашенные ткани и одежду, которая, в свою очередь, шла на внешний рынок, уже как предмет роскоши.

Флоренция была республикой, ее граждане гордились своим демократическим правлением. На флоринах не было профиля ни короля, ни правителя — только лилия, герб города, на одной стороне, и святой Иоанн Креститель (покровитель города) на другой. На момент рождения Данте население Флоренции приближалось к 80 тысячам — сравнимо с Лондоном (те же 80 тысяч) и Парижем (200 тысяч). Но хотя Флоренция номинально была демократическим государством, на практике лишь избранное число ее граждан имело право голоса. Для этого нужно было быть мужчиной старше тридцати лет и состоять в одной из городских гильдий. А поскольку влиятельные семьи и фракции города постоянно соперничали, конституция Флоренции в этот период то и дело менялась. Эти изменения в конечном итоге и привели к образованию более устойчивых форм правления.

На выборах имена всех членов городских гильдий, некоторое время не принимавших участия в управлении городом и не имеющих долгов, помещались в несколько кожаных кисетов. Первым восьми именам, извлеченным на свет из этих мешочков, предстояло составить синьорию, правящий совет, а девятому отводилась роль гонфалоньера (буквально «знаменосца»), облеченного властью председателя совета и признанного главы города. Как и его товарищи по синьории, он правил всего лишь два месяца. Эта громоздкая форма государственного устройства соответствовала представлениям Аристотеля о демократии: правители избирались на ограниченный срок, что должно было предотвратить установление диктатуры. Тем не менее такое краткосрочное правление привело к отсутствию преемственности и долговременного планирования, а это, в свою очередь, к тому, что наиболее влиятельные семейства города, посто-

янно соперничающие между собой, стали манипулировать избирательной системой в своих интересах.

После смерти отца опекуном Данте стал шестидесятидвухлетний Брунетто Латини, известный местный ученый, который также занимал видное место в общественной жизни города. Позже Латини с рядом важных миссий отправится во Флоренцию, посетит Испанию и Париж. Известно, что Данте был очень привязан к своему опекуну, который, в свою очередь, оказал сильное влияние и на круг чтения, и, позже, на образование юноши. Латини переводил Цицерона и Аристотеля; но что гораздо важнее, написал на французском языке труд под названием *Li Livres dou Trésor* («Книги сокровищ»), собрание средневековых знаний, которое полагают одной из ранних энциклопедий. Однако несмотря на то, что Данте любил своего опекуна и восхищался им, в «Божественной комедии» он поместил Латини в седьмой круг ада, предназначенный для тех, кто согрешил против Бога и природы. Встретив Латини среди других обреченных на муки («О, сколько язв, изглоданных огнем, / Являл очам их облик несчастливый!»), Данте исполнился скорби.

Современник Данте надежный флорентийский хронист Джованни Виллани отзывался о Латини весьма высоко: «Он был мирским человеком, но мы упомянули о нем, потому что именно он был основателем и мастером в воспитании флорентийцев в утонченном духе, он учил их оттачивать свое красноречие и тому, как направлять республику и править ею в соответствии с политикой». Именно такой утонченности и добивался Данте, совершенствуя тосканское наречие, так почему же Латини проклят?

Подсказка кроется в первых же словах Виллани. Слово «мирской» скрыто намекает на то, что при всех своих достоинствах Латини был хорошо известен в городе своей склонностью к содомии. На современный взгляд противоречивые чувства Данте при виде Латини, отбывающего вечное наказание в аду, могут показаться несколько запутанными, если не сказать подозрительными. Если он так любил и уважал Латини, то почему поместил в область мучительных и вечных адских мук? Дело в том, что Данте был глубоко верующим человеком. Здесь он ни в чем не отличается от своих современников. Для него тот, кто совершает «грех против природы» — смертный

грех, — какие бы ни были его заслуги в остальном — заслуживает бесспорной посмертной кары.

Показательно сравнить описание Латини, данное Виллани, с характеристикой, которую он дал Данте:

Необыкновенные познания сделали Данте несколько высокомерным и надменным, он был вспыльчив и на манер необщительного философа мало знал толку в светском обращении, но, принимая во внимание прочие его достоинства, ученость и гражданскую добродетель, следует, как нам кажется, увековечить его память в этой хронике, притом что истинным наследием поэта остаются написанные им высокие произведения, которые прославят наш город.

Несмотря на замкнутость Данте, самым значительным и долгим его жизненным опытом стала страсть (хотя он, несомненно, отрекся бы от столь вульгарного обозначения). Любовью всей жизни Данте была женщина по имени Беатрис (Беатриче) Портинари. Он влюбился в нее в очень раннем возрасте и останется предан ей даже после того, как женится и станет отцом четверых детей.

Данте писал, что впервые увидел Беатриче, когда ему было девять лет, а она была почти на год младше. Это произошло, когда отец Данте взял его на праздник мая в дом отца Беатриче, известного банкира Фалько Портинари. Позднее Данте вспоминал: «Она явилась мне одетой в благороднейший алый цвет, скромный и пристойный, опоясанная и убранная так, как то подобало ее весьма юному возрасту... Она казалась дочерью не смертного человека, но бога»^{*}.

Несмотря на свой юный возраст, Данте влюбился с первого взгляда. Но этому увлечению не суждено было найти мирское воплощение. Чувству Данте к Беатриче предстояло стать отголоском традиции той куртуазной любви, которую воспевали в былые времена французские трубадуры. Показательно, что и эту свою страсть он описывал в терминах аристотелевской теории души. Аристотель видел в душе форму, дающую жизнь неодоухотворенной материи

^{*} Здесь и далее перевод М. А. Юсима (по изданию: *Виллани Дж. Новая хроника или история Флоренции*. М.: Наука, 1997). — *Прим. пер.*

^{**} Здесь и далее перевод А. Эфроса. — *Прим. пер.*

тела; но и сама душа содержала в себе некое возвышенное начало, способное на чистую любовь (дух жизни); и вот ее-то Данте испытывал к Беатриче.

Вторая знаменательная встреча Данте с Беатриче состоялась девять лет спустя на улицах Флоренции. В своей автобиографической работе *La Vita Nuova* («Новая жизнь») он описывает, как встретил Беатриче: «дивная Донна явилась мне облаченной в белоснежный цвет, среди двух благородных донн, которые были старше ее возрастом». Проходя мимо Данте, Беатриче повернулась к нему и, поклонившись, приветствовала, доброжелательно, но не прерывая прогулки. Тогда он впервые услышал ее голос, а то, что она при этом еще и обратилась именно к нему, лишь укрепило его чувство. Его переполнил такой восторг, что он поспешил домой, чтобы еще раз пережить случившееся. Там, при мысли о Беатриче, он погрузился в глубокий сон, сопровождающийся сновидением, близким по силе и яркости к галлюцинации. Для Данте этот сон имел глубокий символический смысл, более того, он описывает его как «дивное видение». Для нашего современника это видение оказывается буквально нашпиговано открытыми для интерпретаций фрейдистскими образами, чье толкование весьма далеко от того символического смысла, который вкладывал в них Данте.

В этом видении, или сне, Данте комната наполнилась «огненным облаком». Из-за этой огненной завесы он разглядел «облик некоего мужа, видом своим страшного тому, кто смотрит на него; сам же он словно бы пребывал в таком веселии, что казалось это удивительным». Этот призрак обратился к нему, однако из всего Данте разобрал только «*Ego dominus tuus*» («Я твой господин»). На руках у великана нагая женщина, «лишь легко прикрытая, казалось, алой тканью». Данте понял, что это Беатриче. Гигант держал в руке что-то пылающее и говорил Данте: «*Vide cor tuum*» («Вот твое сердце!»). После чего он разбудил спящую женщину и «проявил такую силу доводов, что понудил ее съесть тот предмет, который пылал в его руке, и она вкушала боязливо». При этом гигант, поначалу веселившийся, стал проливать горькие слезы. Плача, он вновь поднял Беатриче на руки и «вместе с ней стал словно бы возноситься к небу». Это зрелище свергло Данте в такую печаль, что он проснулся.

Позже Данте задумался о том, что могло означать это видение, и

решил спросить об этом своих друзей-поэтов. В основном он обращался к тем, кто старше его, кто уже достиг определенной известности и мудрости. Кто-нибудь может растолковать смысл его видения? Как он сам впоследствии напишет: «Истинный смысл описанного сна не был разгадан тогда никем, ныне же он ясен и простодушнейшим». Люди менее одаренные и впрямь могли счесть это видение, такое волнующее, но буквально источающее чувственность и насилие, — более чем двусмысленным. Действительно, друзья-поэты предложили Данте самые разнообразные толкования его сна (как он сам пишет: «ответили многие и по-разному»). Но это лишь убедило Данте в том, сколь многое значила для него его возлюбленная Беатриче, «невывраимая учтивость, мое блаженство, благороднейшая, что была разрушительницей всех пороков и царицей добродетелей». Отныне Беатриче предстояло стать его духовным проводником и охранителем. Позже, уже в «Божественной комедии», именно она поведет его и через рай. (Однако в том, как Данте описывал свой буйный юношеский сон, уже можно увидеть и предтечу тех образов ярости, ужаса и печали, с которыми он столкнется, странствуя чистилищем и адом.)

А жизнь в реальном мире шла своим чередом. Как это было тогда принято, семья Данте обручила его в раннем возрасте с Джеммой Донати, на которой он женился, вероятно в 1287 году, в возрасте двадцати двух лет. Три года спустя и Беатриче предстояло выйти замуж за Симона деи Барди, отпрыска влиятельной семьи банкиров. Но это никак не отразилось на чувствах Данте. Беатриче навсегда осталась с ним, постоянная и неизменная, единственная неподвижная точка в меняющемся мире. Его нетленная красота.

Тем временем Данте по праву вошел в круг лучших поэтов Флоренции. Вместе они стремились создать новый стиль письма, названный *dolce stil novo* (новый сладостный стиль). Эта новаторская поэтическая форма опиралась на *amore* (любовь) и *gentilezza* (благородство), а также привнесла в итальянскую литературу элемент самоанализа. Это привело к тому, что благодаря таким литературным приемам, как символизм, метафора, аллитерация и каламбур, местное тосканское наречие обогатилось игрой ума и стилиа. Язык, который прежде был сугубо провинциальным, почти сельским, постепенно превратился в один из самых утонченных и глубоких ита-

льянских диалектов, преобладавших тогда на полуострове. Теперь, задним числом, мы можем усмотреть именно здесь истоки литературного ренессанса. Новый стиль также позволил Данте оттачивать образ Беатриче — не как живой женщины, но как путеводной звезды всех его духовных качеств.

И все это не имело никакого отношения к реальной жизни, в которую Данте неожиданно оказался вовлечен. Итальянский полуостров охватили политические беспорядки, города-государства враждовали друг с другом и были раздираемы противоречиями изнутри, как и сама Флоренция. События принимали все более трагический оборот. Причиной тому была взрывоопасная смесь религиозных и классовых конфликтов, в том числе борьба за власть между двумя самыми влиятельными фигурами в Европе: а именно папой и императором Священной Римской империи.

Папа претендовал на духовное лидерство над верующими во всем западном христианском мире и, как держатель престола святого Петра, полагал себя наместником Бога на земле. Император Священной Римской империи, с другой стороны, провозгласил себя потомком Карла Великого, могущественного франкского правителя, который около 800 года объединил Францию, германские земли, большую часть Италии и Северную Испанию в единое государство, объявив себя наследником императоров Западной Римской империи.

Сторонники папы называли себя партией гвельфов, тогда как сторонники императора Священной Римской империи сплотились на стороне гибеллинов*. Гвельфы были полны решимости противостоять растущему немецкому влиянию императора Священной Римской империи в Северной Италии. Гибеллины, с другой стороны, оспаривали светскую власть папы. Это противостояние привело к длительным и ожесточенным конфликтам в Северной Италии, особенно во Флоренции.

* Гвельфы и гибеллины — это итальянизированные версии самоназвания первоначальных немецких приверженцев враждующих сторон. «Гвельф» происходит от дома Вельфов, семьи герцогов Баварии. «Гибеллин» происходит от Вибеллингена (современный Вайблинген), города на северо-восточной окраине Штутгарта, прежде вотчины немецких королей Гогенштауфенов.

Здесь на протяжении столетий существовало ожесточенное и кровавое соперничество между семьями. Как результат, примерно к 1200 году Флоренция стала известна как «город ста башен». Некоторые из них были высотой до 45 метров, с редкими окнами на верхних этажах. Зимой их обычно заколачивали досками, а в теплое время года они были открыты или затянуты воощенной бумагой. В случае нападения из них можно было обливать противника. В нижних этажах таких башен обычно располагались кладовые, где хранились бочки с оливковым маслом и вином, инструменты и съестные припасы (например, вяленые помидоры или плети чеснока), а также сельскохозяйственные орудия (мотыги и косы). Жилые помещения для домочадцев и слуг размещались на разных этажах, которые часто соединялись открытой деревянной лестницей. Верхний этаж обычно отводился под кухню, так что чад и кухонные запахи уходили в небо, а не распространялись по башне. Условия жизни могли быть комфортными, роскошными или скудными, в зависимости от статуса всей семьи или занимавших этаж хозяев или челяди.

Попробуйте вообразить себе такую Флоренцию, чьи городские стены, охватывающие пространство менее чем в квадратную милю, вмещали множество высотных зданий*. Такие высокие квадратные башни призваны были служить надежной защитой для своих владельцев и всего семейного клана, включая слуг и иждивенцев. С приходом сумерек, когда в монастырях и церквях звонили вечерние колокола, семьи аристократов, купцов и даже ремесленников запирались в башнях. Горячая молодежь еще какое-то время перебрасывалась угрозами, проклятиями и оскорблениями через пропасти между башнями. К ночи все стихало. Тишину нарушали лишь случайные крики сорокопутов и козодоев в близлежащих лесах и по-

* В самой Флоренции до настоящего времени уцелело лишь несколько таких башен — по причинам, о которых я скажу позже. Тем не менее представление о том, как выглядел город, можно получить, посетив или просто рассмотрев изображение небольшого городка Сан-Джиминьяно на вершине холма, примерно в двадцати милях к юго-западу от Флоренции. Сан-Джиминьяно по сию пору сохранил свои тесно стоящие башни, некоторые до 45 метров в высоту. В Средние века такие башни были неотъемлемой чертой почти всех городов на севере Италии.

лях, да изредка со склонов холмов долетало уханье сов, а с низовьев реки — пронзительный крик ночной цапли (*squacco*).

Под утро, чуть только небо на востоке посветлеет, упадут засовы тяжелых дверей, башни отворятся и их обитатели выйдут на улицы города, каждый по своим делам. Вот крестьяне торопятся за городские стены, чтобы возделывать поля, все они вооружены косами и мотыгами, вот работники топают в деревянных башмаках к сараям для чесания шерсти и красильным цехам (всех, кто имел дело с шерстью, называли *ciompi* из-за стука, издаваемого их сабо на мощеных улицах). Вот мясники, пекари и остальные торговцы расставляют свои прилавки; вот строители спешат поднимать свои лестницы, пилить доски, таскать камни. Пройдут годы, и перед палаццо, пристроенными к башням, начнут расставлять свои лавки ростовщики (они были первыми банкирами, их занятие и получило свое название от «банко», лавки или скамейки, на которой они вели свои дела). Тем временем рыбаки с сетями, перекинутыми через плечо, выходили через речные ворота, их босые ноги хлюпали по грязи и камышам вдоль увитых туманом берегов Арно.

Если в этой толчее какая-нибудь группа отваживалась срезать путь, вторгнувшись на чужую территорию, она могла столкнуться с сопротивлением. Драки между соперничающими бандами были частым явлением, и приводили, в свою очередь, к новым дракам. Флорентийский хронист Джованни Виллани, обращаясь к подобным сценам, пишет, что «война была столь беспощадной и ожесточенной, что почти не проходило и дня без стычек в разных частях города между гражданами, разделившимися на партии и засевшими в башнях, которые имелись во множестве в городе и в высоту достигали ста и ста двадцати локтей. Во время этой войны в отдельных кварталах жители сообща, на собранные ими деньги, заново укрепляли башни, и они назывались башнями компаний. Наверху башен устанавливали баллисты, или камнеметы, чтобы обстреливать другие башни; таким образом, город был разделен на несколько враждующих частей. Эта чума свирепствовала больше двух лет, погубила множество людей и нанесла городу великий ущерб».

Затем Виллани поясняет: «Горожане так привыкли к военным действиям, что один день они сражались, а на другой сходились за

общим столом и обсуждали проявленные в бою достоинства друг друга».

Но даже несмотря на это, к 1200 году во Флоренции убивали пугающе часто, а месть становилась семейным делом, передаваемым из поколения в поколение. Но в 1215 году некие обстоятельства, в том числе два связанных между собой происшествия, определили будущее флорентийского общества более чем на столетие вперед.

Помимо владений в городе аристократические семьи также содержали укрепленные загородные имения в контадо, сельских окрестностях Флоренции. Именно здесь знатные фамилии имели обыкновение пережидать жаркие летние месяцы, превращаясь на время в сельских помещиков. Итак, летним днем 1215 года одна знатная семья устроила пир в саду своего загородного дома, расположенного примерно в пяти милях от городских стен. По обычаю, если собравшихся было много, гости рассаживались за длинными столами; те, кто сидел рядом, делили одну тарелку, налегая на груду еды и одновременно наслаждаясь увеселениями. Чаще всего гостей развлекали музыканты, шуты, жонглеры, декламаторы непристойных стишков и т. п.

Однако в этом случае за одним столом два молодых человека, делившие тарелку, оказались из соперничающих семей — один из Буондельмонти, а другой из Уберти. В какой-то момент не в меру разошедшийся шут схватил стоящее между ними блюдо. Один из молодых людей обвинил другого, завязалась драка. Вскоре в схватку ринулись и остальные гости. В суматохе о голову молодого Уберти разбили тарелку, а Буондельмонти получил ножевое ранение. Когда в конце концов порядок был восстановлен и гости разошлись, главы двух семейств стали совещаться. Оба хотели избежать долгой вендетты, которая неизбежно привела бы к череде взаимных трагедий. Поэтому решено было уладить дело следующим образом: подходящего молодого человека из семьи Буондельмонти женить на девушке из семьи Амидей, входившей в клан Уберти.

За день до свадьбы будущий жених Буондельмонте де Буондельмонти ехал на своей лошади по улицам Флоренции. Дама из семьи Донати крикнула ему из окна: «Позор тебе, Буондельмонте, за то, что позволил себя обручить с этой девушкой Амидей. Такая простушка недостойна тебя». Дама указала на свою дочь, которая дей-

ствительно была необыкновенно красива. «Я приберегла ее для тебя», — воскликнула она. Увидев девушку, Буондельмонте был совершенно ошеломлен и тут же переменял свое решение. Несмотря на то что он был обручен, он поклялся, что женится на девушке Донати.

На следующий день, когда семья Амидей собралась у дверей церкви готовая к свадьбе, Буондельмонте поскакал в дом Донати и присягнул его прекрасной дочери. Когда семья Амидей услышала о случившемся, она пришла в ярость от этого оскорбления и поклялась отомстить семье Буондельмонти. Согласно анонимному хронисту, несколько дней спустя:

...когда мессер Буондельмонте в шелковом камзоле и плаще ехал верхом по мосту, мессер Скиатта дельи Уберти бросился на всадника и, ударив булавой по голове, сбросил с лошади. Тотчас же друг Уберти прыгнул на оскорбителя и кинжалом вскрыл ему вены. Убив его, они бежали.

Упомянутый здесь мост — знаменитый Понте-Веккьо (Старый мост), заставленный торговыми прилавками, он проходит над рекой Арно от центра города до Олтарно, района за рекой, где жила семья Буондельмонти. Первый мост, построенный еще римлянами, был снесен наводнением 1117 года, а новый, каменный, возведен на его месте. Этот инцидент оказался настолько важным для флорентийцев, что на месте убийства до сих пор стоит стела с памятной надписью. Данте даже упоминает Буондельмонте в своей великой поэме, в части «Рай». Данте отмечает, что его убийство Амидеями ознаменовало конец мирного времени для Флоренции: «Дом, ставший корнем ваших горьких бед, / Принесший вам гибель, в злобе правой, / И разрушение бестревожных лет, / Со всеми сродными почтен был славой. / О Буондельмонте, ты в недобрый час / Брак с ним отверг, приняв совет лукавый! [...] Но ущербленный камень, мост блюдущий, / Кровавой жертвы от Фьоренцы ждал, / Когда кончался мир ее цветущий. / При них и им подобных я видал / Фьоренцу жившей столь благоустаново, / Что всякий повод к плачу отпадал; / При них народ господствовал так славно / И мудро...» Несколько радужный взгляд на предшествующую эпоху; но понятный в свете грядущих событий.

Враждующие семьи Флоренции теперь отложили в сторону

мелкие разногласия, объединились в две большие соперничающие группы, которые разорвали город на части. Одна группа провозгласила приверженность гибеллинам, а другая присягнула на верность гвельфам. Таким образом, Флоренция оказалась втянутой в более масштабный конфликт, бушевавший по всей Северной Италии и за ее пределами. Семьи аристократов, такие как Альберти и Амидей, защищая свои феодальные права, стояли за партию гибеллинов и за императора Священной Римской империи. Тогда как городские купцы и пополо (буквально «народ»), в основном ремесленники и лавочники, сделали выбор в пользу гвельфов и поддержки папы.

В свое время, пытаясь остановить бесконечный междоусобный конфликт в городе, старейшины-сеньоры приняли решение назначить подеста, в обязанности которого входило поддержание общественного порядка и вынесение решений по спорным вопросам. Для обеспечения нейтралитета этот пост обычно отдавали иностранцу, не имевшему связей ни с одной семьей в городе. Позже в ряде городов Северной Италии подеста уже назначал император Священной Римской империи, и в 1246 году император Фридрих II назначил подеста Флоренции своего незаконнорожденного сына Фридриха Антиохийского. Несмотря на предполагаемый нейтралитет подеста, Фридрих Антиохийский, естественно, встал на сторону гибеллинов, которые воспользовались этим для укрепления своих позиций. После ожесточенной уличной битвы между гвельфами и гибеллинами гвельфы были вынуждены бежать из города в свои поместья в контадо, покинув принадлежащие им башни. Гибеллины незамедлительно ворвались в эти твердыни и приступили к их уничтожению. В конце концов они разбили или снесли тридцать шесть фамильных башен гвельфов.

В 1250 году император Фридрих II умер. Гвельфы были полны решимости воспользоваться этой возможностью и собрали силы. Они встали против гибеллинов в битве при Фильине, деревне в контадо, в пятнадцати милях к юго-востоку от Флоренции. После победы гвельфы вошли во Флоренцию и начали устанавливать уже свое правление. Было приказано уменьшить высоту всех семейных башен максимум до 20 метров. Тогда же гвельфы, которые придерживались экспансионистской внешней политики, собрали армию для нападения на города гибеллинов — Пизу и Сиену.

В 1260 году гибеллины снова вернули себе власть и тут же приступили к уничтожению твердынь гвельфов. Согласно хроникам, они приказали разрушить не менее 103 палаццо, более 500 домов и 85 башен гвельфов. В 1266 году флорентийские гвельфы присоединились к союзу нескольких городов гвельфов и войск французского папы Климента IV и разбили силы гибеллинов в битве при Беневенто на юге Италии. Это привело к упадку власти Священной Римской империи в Италии и к упадку гибеллинов.

На следующий год гвельфы двинулись на Флоренцию, и гибеллины бежали из города. Гвельфы были намерены на сей раз не уступить власть над Флоренцией и немедленно приступили к радикальной перестройке города. Оплот семьи Уберти, большой комплекс башен и дворцов в центре города, был снесен до основания. (Так возникла нынешняя площадь Синьории с ее открытой перспективой.) В то же время гвельфы озаботились мощением улиц и реформированием системы голосования. Именно тогда и возникла описанная нами ранее форма избранного правящего совета из девяти синьоров под председательством гонфалоньера — конституционная форма правления, которой предстояло просуществовать несколько столетий.

Тогда же стала процветать и торговля шерстью. Были восстановлены отношения между Флоренцией и тосканскими портами Пиза и Ливорно, что открыло городу выход к морю. Это означало более надежные торговые пути на международные рынки: для ввоза шерсти и экспорта одежды из изысканно окрашенных тканей. Флоренция вступила в эпоху процветания, ее банки начали открывать отделения в Северной Европе, чтобы поддержать финансирование все той же торговли шерстью. Город продолжал чеканить *fiogino d'oro* (золотой флорин), чья надежность славилась по всей Европе. Это еще больше укрепило коммерческую репутацию Флоренции. Таким и был город в 1265 году, в год рождения Данте.

Семья Алигьери издавна поддерживала гвельфов, и юному и пытливому Данте уже в силу этого предстояло вести общественную жизнь. Для этого сначала нужно было стать членом одной из городских гильдий, так что Данте, соответственно, поступил в престижную *Arte dei Medici e Speziali* (гильдию врачей и аптекарей). Тот факт, что во многих аптеках в то время продавались также и книги, вполне мог повлиять на его дальнейшие предпочтения. Флорентийские ар-

хивы содержат упоминания о том, что Данте выступал и голосовал на различных советах. Они входили в систему гражданского управления, которое подчинялось правящей синьории и гонфалоньерам и выполняло консультативные и распорядительские функции. Например, Совет шести коммерсантов распоряжался торговлей, а в военное время административные функции переходили к Десятке войны, отвечавшей за вооруженные силы.

Несмотря на то что гвельфы почти повсюду одерживали победы, в Северной Италии несколько городов все еще оставались сторонниками гибеллинов, среди них тосканский город Ареццо, примерно в пятидесяти милях к юго-востоку от Флоренции, у подножия Апеннинских гор. Противостояние достигло апогея летом 1289 года, когда гвельфы Флоренции сразились с гибеллинами Ареццо в битве при Кампальдино. Именно здесь Данте открывается нам с неожиданной стороны: в возрасте двадцати четырех лет он сражался в этой битве на переднем крае кавалерии.

Согласно хроникам Виллани того же времени, у аретинцев (так называли жителей Ареццо) «всего насчитывалось восемьсот всадников и восемь тысяч добрых пехотинцев под водительством опытных старшин». Хотя у аретинцев всадников было вдвое меньше, их это не утратило: «Они презирали флорентийцев, говоря, что те наряжены и причесаны подобно женщинам, и насмехались над ними». В битве «два войска встали друг против друга в таком отменном порядке, которого прежде не видели на поле битвы в Италии» (вероятно, это описание не принимало в расчет эффективную военную тактику римской эпохи).

Тем не менее, без сомнения, это была серьезная битва, где с обеих сторон участвовали опытные бойцы, даже и при том, что волосы некоторых кавалеристов рядом с Данте были уложены с чрезмерной тщательностью. Всего, таким образом, в битве участвовало около 20 000 бойцов. Как записал Виллани: «Аретинцы были разбиты и повержены, более 1700 конных и пехотинцев убиты, и более 2000 взяты в плен».

Эту битву Данте всегда будет помнить, и в «Божественной комедии» напишет: «Я конных ратей видывал движенья / В час грозных сеч, в походах, на смотрах, / А то и в бегстве, в поисках спасенья; / Я видывал наезды, вам на страх, / О аретинцы, видел натиск бран-

ный, / Турнирный бой на копьях и мечах». Герои этой битвы будут помещены Данте в рай; враги отправляются в чистилище или обречены на вечные муки в аду.

Через год после этой битвы Данте узнает о смерти Беатриче — ей было всего двадцать четыре. Данте, конечно, был совершенно опустошен и писал, что чувствует себя «словно обездоленная вдова». Он словно бы оказался «рыдающим в опустевшем городе» («остался названный город весь словно бы вдовым и лишенным всего достоинства»). Несмотря на такую отчаянно поэтичную скорбь мужа, как раз в эти годы жена Данте, Джемма, родила ему четверых детей. В то же время он сам добился успехов уже на гражданском поприще, а в 1300 году получил пост во властной синьории.

Но тут на политическую жизнь Флоренции снова обрушились беспорядки. Правящая партия гвельфов раскололась на две: черную и белую партии. Черные выступали за более тесный союз с папством, в то время как белые противились вмешательству папы во флорентийскую политику. Данте поддержал белых, которые одержали верх, изгнав черных из города. Когда Флоренция узнала, что папа Бонифаций VIII вознамерился вернуть черных в город, в качестве главы дипломатической миссии Данте был отправлен в Рим, чтобы ходатайствовать перед папой. Судя по всему, Данте негласно возглавлял эту делегацию, о чем тайно информирован был и Бонифаций VIII. После того как делегация встретилась с папой, он не стал задерживать послов, отослав обратно во Флоренцию. Однако Данте было приказано оставаться в Риме. Затем маятник качнулся в обратную сторону: черные гвельфы, объединившись, захватили власть во Флоренции при помощи местного ополчения, и Данте был заочно судим и приговорен к двухлетнему изгнанию.

К тому же его обязали выплатить грабительский штраф, который

* Сразу после этого выражения скорби Данте подробно поясняет общий принцип своей поэзии, приведший к революции в итальянском языке: «Если же кто-нибудь захотел бы упрекнуть меня в том, что я не пишу здесь слов, которые следуют за теми, уже приведенными, то оправданием мне служит то, что с самого начала моим замыслом было писать не иначе, как языком народным; вот и вышло бы, что если бы я написал слова, следующие за теми, что приведены, — все латинские, — то было бы это чуждо замыслу моему; подобного же мнения, знаю, держится и мой первый друг, которому я пишу это, то есть что писать это я должен не иначе, как на языке народном». — *Прим. пер.*

Данте не сумел заплатить, в основном потому, что все его имущество во Флоренции было конфисковано. Так что его приговорили еще к нескольким годам ссылки и предупредили, что, если он в это время попытается вернуться, его сожгут на костре.

Данте своеобразно отомстил папе за двусмысленную роль, которую тот сыграл в его падении. В «Божественной комедии» он приговорил Бонифация VIII к третьему рву восьмого круга ада, где мучились все папы, виновные в грехе симонии: продаже церковных должностей, духовного сана, церковных таинств и священнодействий. Грешника погребают вниз головой в круглой яме, тогда как его ноги постоянно обжигаются кипящим маслом, жар которого зависит от тяжести его греха. Каждый грешник в конце концов сменяется еще худшим грешником, прежде чем навсегда исчезнуть в земле. Данте осознавал, что не может встретить Бонифация VIII в аду, так как папа был еще жив на момент путешествия поэта по стране мертвых. Чтобы обойти это затруднение, Данте заставил папу Николая III, нынешнюю жертву этой огненной пытки, предсказать, что Бонифацию VIII предстоит занять его место. Это также можно рассматривать как метафору растущей коррупции церкви.

У Данте есть и другие отсылки к Бонифацию VIII, в частности, он намекает на то, что тот обманом вынудил своего предшественника, папу Селестина V, уйти на покой, чтобы самому взойти на престол святого Петра. Так Бонифаций VIII становится еще и символом обмана, сходя на еще одну ступень, ведущую к худшему из всех грехов: предательству. Предел этого морального падения Данте созерцает, спустившись в девятый круг, последний, самый мрачный, в воплощенную бездну Инферно. Сквозь полумрак и туман он в ужасе различает чудовищную фигуру Люцифера (дьявола), замерзшего по грудь в ледяном озере. Над Люцифером распростерлись три пары перепончатых крыльев, а голова, венчающая гигантское туловище, обращена в три стороны тремя лицами, из каждой пасти, пожирающей жертву, сочится кровавая слюна. В центральной его пасти Иуда Искариот, воплощение предательства, продавший Христа за тридцать сребреников. Две другие пасти пожирают тела Брута и Кассия, древних римлян, которые предали своего благодетеля Юлия Цезаря, заколов его в сенате. Важно понимать, что в глазах Данте убийство Цезаря было поворотным моментом, приведшим к закату

Римской империи. Все эти столетия Италия отчаянно стремилась вернуть себе былое величие — в случае Данте выше этого была лишь сама идея христианства.

Согласно еще одному великому флорентийцу — писателю Боккаччо, брак по сговору Данте и Джеммы не был счастливым, так что неудивительно, что, когда он был изгнан, она решила остаться во Флоренции. Нелегко было быть женой человека, одержимого своей возлюбленной Беатриче, что давно уже стало предметом местных сплетен. Кроме того, Джемма была членом семьи Донати, которая, как известно, покровительствовала черным гвельфам.

Теперь у Данте начались годы горького изгнания, где «Ты будешь знать, как горестен устам / Чужой ломоть, как трудно на чужбине / Сходить и восходить по ступеням». К этому времени Данте уже приобрел известность как мыслитель и поэт, его принимали при дворах высоких особ и в замках аристократии. Известно также, что он некоторое время жил в Болонье и Падуе, а также в Лукке с женщиной по имени Джентукка. От автора «Божественной комедии» ей достанется место в чистилище, в шестом круге, предназначенном для обжор, которые вынуждены голодать в окружении деревьев, увешанных плодами, недоступными до тех пор, покуда грешники не искупят свои грехи и им не будет дозволено вознестись в рай. В изгнании Данте также принял активное участие в нескольких заговорах с целью вернуть Флоренцию белым. Каждый раз заговорщиков выдавали шпионы, и в 1308 году город Флоренция объявил, что Данте приговорен к вечному изгнанию. Черные гвельфы забрали всю власть, и теперь у него не было никаких шансов вернуться в город, который он так любил.

Не случайно именно в 1308 году Данте приступил к «Божественной комедии». Только тогда он понял, что обречен на вечное изгнание, и дух города, который он никогда больше не увидит, вдохновлял этот великий труд. *Inferno, Purgatorio, Paradiso*, три основных раздела, в каждом тридцать три песни, состоящие из сорока семи стихов, написанных терциями (изобретенная Данте схема трехстрочной рифмовки), и повсюду среди мифических и исторических героев и злодеев, грешников и святых мы встречаем земляков и современников поэта. Как мы видели на примере Бонифация VIII, эти персонажи, являясь реальными историческими личностями, вырастают до

уровня архетипов. Поэма эта замечательна в том числе и тем, что она работает сразу на нескольких уровнях: реалистические, символические, аллегорические и теологические темы здесь тесно переплетены, сообщая любому эпизоду сразу несколько возможных толкований.

В частности, в заключительной части, где Беатриче ведет Данте через рай, поэма становится инструментом постижения божественной сущности. Действительно, сама Беатриче здесь символизирует теологию. Однако, как не преминули подметить остроглазые ученые грядущих веков, теология, изложенная тут Данте, отнюдь не столь ортодоксальна, как он хотел уверить читателя. Например, Данте порой можно упрекнуть в ереси аверроизма.

Это требует пояснения, в том числе и в историческом контексте. С падением Римской империи многие произведения классической литературы, особенно философские труды, были утеряны. Однако копии этих работ попали на Ближний Восток и вызвали заметный интерес в халифатах, у арабских мыслителей в период, когда исламская цивилизация процветала и распространилась от Индии до Испании. Арабские ученые изучали переводы многих классических произведений и даже писали собственные комментарии к ним.

Аверроэс (латинизированное искажение имени Ибн Рушд) был арабским ученым XII века, жившим в Аль-Андалусе (исламская Испания, ныне Андалусия). Постепенно копии переводов Аверроэса и комментариев к Аристотелю стали поступать в Европу, где они были переведены на латынь, язык общения ученых всего континента. Поскольку Аристотель заложил интеллектуальную основу средневековой христианской ортодоксии, эти новые работы вызвали большой интерес. Действительно, сейчас они рассматриваются многими как предвестники великой трансформации европейской мысли, которая впоследствии стала известна как Ренессанс. Этот термин буквально означает «возрождение», и именно возрождение идей Античности вдохновило мыслителей эпохи Ренессанса.

Согласно интерпретации Аристотеля Аверроэсом, интеллект являлся некоей целостной субстанцией, не принадлежащей каждому отдельному человеку, но единой и вечной для всего человечества. Христианский философ и теолог тринадцатого века Фома Аквинский резко осудил идеи Аверроэса, но они тем не менее не забылись. Отсюда его влияние на Данте, который был очарован своеобразной

интерпретацией аверроизма. Согласно ей каждая душа обладала собственным интеллектом, но он был всего лишь отражением универсального интеллекта.

Данте не хотел признавать, что теология, которую он излагал в «Божественной комедии», на самом деле заражена ересью. Ведь Данте оставил шестой круг ада для еретиков, осужденных вечно гореть в муках в своих пылающих гробницах. Неудивительно, что в своем странствии по аду Данте встречает флорентийского предводителя гибеллинов Фаринату дельи Уберти (главу той семьи, чьи снесенные палаццо находились на месте нынешней площади Синьории). Также в шестой круг он поместил императора Священной Римской империи Фридриха II, который был покровителем гибеллинов в Италии. (По иронии судьбы именно двор Фридриха II на Сицилии сыграл ведущую роль в распространении работ арабских философов, таких как Аверроэс.) И вдобавок Данте поселил в этой области ада своего соперника и собрата по перу *il dolce stil novo* флорентийского поэта Кавальканти, о котором Данте отзывался как о «первом из моих друзей». Очевидно, Кавальканти исповедовал «неправильную» форму аверроизма, отрицавшую бессмертие души, — тезис, на котором построена вся «Божественная комедия».

В 1320 году Данте закончил «Рай» и тем самым и свой великий труд, «Божественную комедию». Последние два года он жил при дворе принца Гвидо Новелло да Полента в Равенне, а на следующий год принц отправил Данте с дипломатической миссией в Венецию. Когда Данте возвращался через заболоченные пустоши в дельте реки По, он заболел малярией. Через несколько дней он умер в возрасте пятидесяти шести лет.